

Управляющий Лу велел каллиграфически переписать стихотворение, сочинённое Мэй Шэнцзэ, новоиспечённым цзиньши, оформил его в раму и повесил в самом центре заведения. За это Тан Шэнь даже послал Мэй Шэнцзэ кувшин хорошего вина.

Стояла глухая зима, дела в Тереме Сися шли всё лучше, и трактир уже обрёл известность по всему Шэнцзину.

В конце двенадцатого лунного месяца приближался Новый год.

В тот день как раз выпала смена Яо Шаня и Тан Шэня.

Они несли службу уже два месяца и к этому времени вполне освоились с обязанностями по ведению Императорских хроник. Будучи приближёнными к Сыну Неба, они время от времени достаивались внимания Чжао Фу.

В тот день посреди суровой зимы пошёл снег. Чжао Фу поначалу занимался государственными делами во Дворце Чуйгун, но когда из внутренних покоев сообщили о недуге одной из наложниц, он отправился навестить её. Тан Шэнь и Яо Шань молча ждали у дворцовых ворот. Спустя час Чжао Фу вышел.

Склонив спину, Цзи Фу заботливо держал над Чжао Фу зонт, укрывая его от падающих с неба снежинок.

Выйдя за ворота, Чжао Фу увидел, что головы Тан Шэня и Яо Шаня сплошь покрыты снегом. Он опешил, а затем спросил:

— Всё это время ждали здесь?

Тан Шэнь и Яо Шань ответили утвердительно.

Чжао Фу в шутку указал на волосы Тан Шэня и обратился к Цзи Фу:

— Погляди. Ладно ещё чиновник Яо — ему уже за сорок, возраст не юный, седина давно проступила. Но чиновник Тан! Волосы у него были черны как смоль, а теперь он превратился в дряхлого старца.

Посмеявшись, Чжао Фу тем не менее велел двоим евнухам подойти и укрыть Яо Шаня и Тан Шэня зонтами.

Тан Шэнь поднял голову и украдкой взглянул на Чжао Фу.

Вернувшись во Дворец Чуйгун, Чжао Фу распорядился, чтобы Тан Шэнь и Яо Шань первым делом переоделись в сухое платье.

Когда они вернулись, Чжао Фу начертал киноварью резолюцию на докладе и не спеша отложил кисть. Он поднял взор и, сидя на императорском престоле, произнёс мягким, неторопливым голосом:

— Вэньцзи, как давно ты подле Меня?

Вэньцзи было вежливым именем Яо Шаня. Услышав, что Его Величество обращается к нему столь неофициально, Яо Шань так разволновался от оказанной чести, что тут же поднялся и ответил:

— Ваш слуга состоит в должности придворного историографа уже два месяца.

Чжао Фу будто только сейчас припомнил это:

— Вот как, уже два месяца. Цзинцзэ ведь пришёл вместе с Вэньцзи, значит, тоже два месяца?

Тан Шэнь поднялся и почтительно поклонился:

— Так точно.

Чжао Фу с улыбкой заметил:

— Вэньцзи родом из Шэнцзиня, ему такие снегопады привычны. А ты, Цзинцзэ, кажется, из Цзяннани?

Тан Шэнь незаметно сжал пальцы, но ответил ровным голосом:

— Ваш слуга родом из Гусу.

— Разве в Гусу выпадает такой обильный снег?

— В прежние годы — редко, — ответил Тан Шэнь. — Лишь во время снежного бедствия на юге несколько лет назад вашему слуге довелось однажды увидеть подобный снегопад.

При этих словах на лице Чжао Фу отразились воспоминания:

— Снежное бедствие на юге... Ах, тот год. Цзинцзэ, ты ведь тогда был совсем юн?

— Вашему слуге тогда исполнилось тринадцать лет.

Чжао Фу расспросил его ещё немного, а затем перевёл разговор на Яо Шаня, расспрашивая о том, что тот видел на далёких границах во время войны. Двадцать лет назад Яо Шань оставил кисть ради меча и отправился на поле боя. Чжао Фу всегда выделял его среди прочих, поскольку среди обладателей степени цзиньши редко встречались те, кто побывал в рядах военных.

В тот день Тан Шэнь и Яо Шань разошлись по домам, и вскоре к поместьям Чжуаньюаня и Поместью Таньхуа прибыли евнухи с подарками.

Чжао Фу пожаловал каждому по подбитому лисьим мехом кафтану и множество изысканных лакомств из императорской кухни. Тан Шэнь и Яо Сань оба бывали в городке Лохэ и имели дело с ляосцами. Особенно Яо Сань, который близко знал многих купцов из Ляо. Государство Ляо славилось соболиными и лисьими шубами. Ощупав подаренный Чжао Фу кафтан на лисьем меху, Яо Сань изумленно воскликнул:

— Молодой хозяин, у этого кафтана мех так и лоснится! Такую роскошь и в Государстве Ляо редко встретишь, вещь тончайшей работы!

Тан Шэнь молча погладил лисий мех, закрыл глаза и тихо вздохнул.

Убрав лисий кафтан в сундук, Тан Шэнь прошёл в кабинет и принялся растирать тушь. В кабинете подрагивало пламя свечи. Тан Шэнь долго размышлял, затем обмакнул кисть в тушь, развернул свиток для доклада и сосредоточенно вывел первые иероглифы. На следующий день он подал этот доклад, а ещё через три дня, когда они дежурили вместе с Ли Шу, Чжао Фу

приказал Тан Шэню остаться с глазу на глаз.

Ли Шу с удивлением взглянул на Тан Шэня, после чего поклонился и вышел.

Тан Шэнь вслед за Цзи Фу вошёл на Террасу Восхождения к Бессмертным.

На Террасе Восхождения к Бессмертным горело девяносто девять светильников, расставленных в три яруса со всех четырёх сторон и окружавших Чжао Фу. Перед ним выстроился ряд бронзовых подсвечников, в которых теплились девять неугасимых лампад. Чжао Фу восседал посреди этого великолепия в белоснежном даосском одеянии. Императорской короны на нём не было, волосы скрепляла простая шпилька. Несколько прядей, подёрнутых сединой, спускались на плечи. Он совсем не походил на правителя Поднебесной — скорее на даоса, отрешившегося от мирской суеты.

Ли Шу как-то упоминал, что, помимо нескольких советников из Центрального секретариата, лишь Фельдмаршалу Запада Ли Цзиндэ, Министру финансов Ван Цзыфэну и заместителю главы Судебного приказа Су Вэньюню позволялось подниматься на Террасу Восхождения к Бессмертным. Тан Шэнь подумал: «Интересно, те, кого он назвал, бывают здесь постоянно или же удостоивались этой чести лишь единожды?»

Но так или иначе, сегодня Тан Шэнь вошёл сюда.

Чжао Фу сидел среди светильников, неподвижный, словно небожитель, будто у него даже перехватило дыхание.

Спустя долгое время он тихо выдохнул, приоткрыл глаза и обратился к Тан Шэню:

— Цзинцэ, представ перед Нами сегодня, что же ты увидел?

Не зря говорят: «Быть подле государя — всё равно что спать с тигром». Стоило этим словам прозвучать, как даже Цзи Фу растерялся.

В те часы, когда Чжао Фу предавался даосскому самосовершенствованию, он становился особенно непредсказуемым и причудливым. Он то заливался безумным смехом, то впадал в ярость. На Террасе Восхождения к Бессмертным лишились жизни уже несколько евнухов и юных послушников. Перед внешним миром Чжао Фу умело разыгрывал роль добродетельного правителя, но стоило ему оказаться на Террасе, как он сбрасывал личину императора и мнил себя бессмертным.

Цзи Фу не знал, как отвечать на такие вопросы, да и Тан Шэнь понятия об этом не имел.

Однако секундное замешательство сменилось полным самообладанием. Благодаря своей феноменальной памяти Тан Шэнь мгновенно вызвал в мыслях строки из множества даосских трактатов — от «Чжоу и» и «Чжуан-цзы» до «Дао дэ цзин» и «Хуайнань-цзы». Тан Шэнь отвесил глубокий поклон и произнёс чистым, звучным голосом:

— Высшая добродетель не считает себя добродетельной, поэтому она добродетельна. Низшая добродетель цепляется за добродетель, поэтому она не добродетельна. Ваш слуга зрит, что Его Величество отрешился от земного: вы зрите, но словно не замечаете, не зрите, но словно всё видите.

Чжао Фу громогласно расхохотался.

Цзи Фу, будучи едва грамотным, не понял ни слова из сказанного Тан Шэнем, но, видя радость Чжао Фу, про себя подивился: «Надо же, этот господин Тан льстит государю куда искуснее меня! Вот уж точно повстречал мастера своего дела».

Чжао Фу велел:

— Ступай пока.

Цзи Фу слегка удивился, но поклонился:

— Слушаюсь.

Тяжёлые двери затворились. На Террасе Восхождения к Бессмертным остались лишь двое послушников, следивших за неугасимыми лампадами, а также Чжао Фу и Тан Шэнь.

Чжао Фу сидел, скрестив ноги, и пристально глядел на Тан Шэня:

— Цзинцзэ, доводилось ли тебе бывать в Государстве Ляо?

Тан Шэнь тотчас поклонился:

— Ваш слуга там не бывал.

— Вот как? Тогда что означает твой доклад?

Тан Шэнь принялся объяснять:

— Ваш слуга никогда не переходил границы Государства Ляо, но бывал в городке Лохэ. Его Величество, возможно, не знает, но городок Лохэ — это небольшое поселение на самой границе Великой Сун и Ляо, расположенное на северо-востоке наших земель. В северо-западных пограничных краях нашей Великой Сун постоянно вспыхивают стычки с Ляо, однако здесь, ближе к востоку, напротив, процветает торговля.

Чжао Фу согласно кивнул.

Тан Шэнь продолжил:

— Ваш слуга когда-то ездил с семьёй в городок Лохэ и встречал там ляосских купцов, да и на улицах видел немало уроженцев тех мест. С виду они кажутся дружелюбными к сунцам, но на самом деле высокомерны до крайности, грубы в речах и поступках, лишены всякого почтения и ни во что не ставят наш народ! Если даже рядовые торговцы ведут себя так, нетрудно вообразить, как относятся к Великой Сун при дворе Государства Ляо. А потому ваш недостойный слуга молит Его Величество проявить мудрость: ляосцы — дикие звери, хищные волки, и недооценивать их смертельно опасно!

Чжао Фу перевёл взгляд через плечо Тан Шэня на горевшие позади него девять неугасимых ламп.

Тан Шэнь стоял, низко опустив голову, не смея издать ни звука и стараясь даже не дышать.

Наконец Чжао Фу произнёс:

— Мы услышали тебя. Можешь идти.

Тан Шэнь поклонился и стал пятиться к выходу. Лишь оказавшись за дверями Террасы Восхождения к Бессмертным, он смог наконец выпрямиться. Первым делом он поприветствовал дежурившего снаружи старшего евнуха Цзи Фу. Тот изобразил крайнее смущение:

— Ох, господин Тан, вы оказываете слишком много чести скромному слуге.

Слова его звучали смиренно, однако на лице не читалось и тени испуга — он принимал это уважение как нечто само собой разумеющееся.

Тан Шэнь покинул Террасу Восхождения к Бессмертным и отправился из дворца домой.

На следующий день чиновники из Приказа чинов прибыли в канцелярию Центрального секретариата. Они разыскали Тан Шэня, который в этот момент читал «Записи о жизни и деяниях» времён правления покойного императора. Посланец развернул императорский указ, и все присутствовавшие в помещении летописцы и историографы пали ниц. Чиновник громогласно зачитал:

— Объявляем волю государя, принявшего покровительство Небес! Летописец Центрального секретариата Тан Шэнь выделяет изящество слога, скром, почтителен и твёрд в добродетели. Находясь на скромной должности, он снискал Наше доверие. Сего дня жалуем ему повышение до придворного историографа пятого ранга с немедленным вступлением в должность. Повеление сие исполнить надлежит беспрекословно. Двадцать восьмой год эры Кайпин, первый лунный месяц.

<http://bllate.org/book/18292/1754537>